

А.А. ГАЛКИН, Ю.А. КРАСИН

КУЛЬТУРА ТОЛЕРАНТНОСТИ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГАЛКИН Александр Абрамович - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. КРАСИН Юрий Андреевич - доктор философских наук, профессор, руководитель Центра анализа социально-политических процессов Института социологии РАН.

Превращая мир в целостный социум, глобализация изменяет меру оценки "своих" и "чужих". Если раньше непонятное и неприемлемое существовало где-то далеко, не затрагивая нас напрямую, то сегодня, благодаря новейшим коммуникационным технологиям, оно близко, непосредственно вторгается в нашу жизнь, требует незамедлительной реакции. "Свои" и "чужие" оказались спрессованными в глобальных информационных и финансовых потоках. Высокая плотность сети глобальных международных, межгрупповых и межличностных связей не позволяет уклониться от контактов, остаться безразличным или нейтральным. В таком тесном взаимодействии резко возрастает опасность отторжения, вражды и прямых столкновений. Отвести эту опасность могут только культура и навыки высокой толерантности. Готовы ли к этому государства, политические лидеры, гражданские организации и просто граждане?

Ответ на "вызов плюрализма"

Вопрос о толерантности - это, прежде всего, вопрос о том, как при глубоких различиях в положении, интересах, воззрениях люди могут наладить совместную жизнь. Толерантность служит своего рода мостом, соединяющим частное и общее, различия и единство.

Современное развитие преумножает и углубляет дифференциацию частных интересов. Найти их общий знаменатель становится все труднее. В восприятии drobных групп частных интересов публичный интерес, как и мир в целом, фрагментируется. На смену холистическим представлениям, позволявшим определить объективные критерии для понимания того, что является общим благом, общим интересом, общей целью и общей судьбой, ради которых различия могут быть преодолены или "сняты", приходят релятивизированные представления о безграничном многообразии, подчеркивающие значимость и "самоценность" различий, образующих самостоятельные звенья в сети "мира миров". Эти представления дают основания считать, что происходит смена парадигмы в оценке соотношения индивидуального и общего, частного и публичного, различий и единства. Вопрос ставится уже не просто о том, как жить вместе, а о том, как жить вместе, не утрачивая идентичности различий. Иными словами, культуре толерантности приходится иметь дело с "вызовом плюрализма".

Различия, которые бесследно не исчезают в стремящемся к однородности единстве, а сохраняют себя в нем в своей внутренней идентичности, можно обозначить, используя термин французского постмодерниста Ж. Деррида, как "différance" (по-русски можно перевести как "различность" в отличие от "различия" - "difference"). "Различности" не растворяются в общей идентичности, а сохраняют свою самобытность и

плюральность [1]. Краеугольным камнем толерантного отношения к частным интересам и мнениям, к группам и индивидам, их выражающим, становится признание ответственности и неустранимости из общественной жизни "инаковости" ("otherness") [2].

Если в классической либеральной традиции толерантность граждан в публичной сфере достигалась вынесением различий за ее скобки как чего-то частного, не имеющего отношения к общему благу, то новое их видение исключает подобную рокировку. Различия как выражение многообразия предстают как общественное благо, заслуживающее поощрения [3].

Публичная сфера не может освободиться от различий, не опустошая себя. Она, собственно говоря, и есть непрестанный дискурс различных интересов и мнений в поиске сопряжений и синтезов, связывающих социум в общее дело. Поэтому публичная политика должна не отстраняться от "инаковости" в надежде, что время устранит различие (хотя в практической политике это часто делается), а идти ей навстречу. Лишь взаимодействие различий дает осмысление общего блага и обогащает собственное видение проблемы всеми участниками этого процесса. Такова мера толерантности, адекватная современности. Охватывая максимум различностей, она обеспечивает более широкие возможности для артикуляции реального содержания "инаковости" и более полного ее восприятия обществом, властью, мировым сообществом.

Более того, поворот к толерантности, воспринимающий "инаковость", понуждает к определенным изменениям в способе мышления, в менталитете. Во всяком случае, это несомненно для научного мышления и в известной мере уже давно для него характерно. Тем более это типично для нынешнего времени, когда образование и знание обретают новые черты: не только "гибкость" и "пожизненное обучение", но и умение работать в команде, многоплановое мышление, готовность к неуверенности и парадоксам, настроенность на диалог, "мужество к непониманию" [4].

Меняются и некоторые важные параметры толерантности. Раньше публичная сфера была ареной дискурса больших четко структурированных групп интересов. Она была идеологизирована, и в ней доминировала идеология господствующего класса. Личность в политике идентифицировалась главным образом как составной элемент группы (класса, социального слоя, партии, движения, нации, этноса). Между тем, в условиях нарождающегося информационного общества граждане, по крайней мере их активная часть, приобретают новые качества: высокую образованность, возросшую социальную ответственность, расширившийся культурный и мировоззренческий кругозор, плюрализм взглядов и позиций. Это обстоятельство создает возможность и потребность в персональной политической идентификации каждого человека.

Очевидно, что автономный выбор политической позиции каждым гражданином может быть осуществлен только в том случае, если в его приватном пространстве будет зона самостоятельного осмысления политических реалий, обеспечивающего свободу для индивида "во всех случаях *публично пользоваться* собственным разумом" [5]. Включение в таких объемах в политическую сферу активных граждан с их собственными суждениями размывает устои идеологической нетерпимости и расширяет толерантность по отношению к позициям и взглядам других участников общественной рефлексии и практики совместных действий. Усиливается тенденция к деидеологизации публичной сферы, к появлению в ней очагов творческой неупорядоченности, поиска нестандартных решений.

Конечно, у этого в целом позитивного процесса есть и негативный побочный продукт. Быстрота перемен, релятивизация общественных отношений и структур порождают у многих растерянность и потерю ориентиров политического поведения. Особенно это касается тех стран и регионов, где происходят глубокие внутренние трансформации, усиливающие социально-политическую нестабильность и неуверенность в будущем.

В сложившихся условиях отчетливо вырисовываются контуры двух различных и в чем-то контрастных интерпретаций ("моделей") развития культуры толерантности. Первая - *либертарная* (радикально-либеральная) абсолютизирует личные начала в

свободном пользовании собственным разумом. Смысл такого подхода в том, чтобы освободиться от всякого общественного вмешательства. Иными словами, "приватное пространство" для выработки собственных позиций как бы отгораживается от общественного дискурса. Это ведет либо к абсентеизму, либо к некомпетентным решениям, играющим на руку групповым эгоистическим интересам. В обоих случаях результат подобного подхода, по сути, элиминирует ее исходный пункт - абсолютную свободу личности.

Другая модель - *делиберативная* (от "deliberation" - рефлексия) ориентирована на включение гражданина в общественную рефлексию на открытой арене сопоставления взглядов, позиций, программ, совместного поиска согласия и стабильности. Приватное пространство собственного разума гражданина не изолируется от социума, а включается в него, привнося туда свой интерес и свое видение проблем. Только тогда становится возможным действительно свободный, компетентный выбор.

Приходится признать, что пока убедительного ответа на новые вызовы культуре толерантности нет. Но некоторые направления поиска все же вырисовываются. Одно из них - прагматический компромисс под давлением жизненных императивов. Методологический смысл этого подхода намечен в книге Блэра Рубла "Вторые метрополии", изложенный на примере крупных мегаполисов, где сконцентрировано широчайшее многообразие интересов, взглядов, позиций, часто противоположных и несовместимых. В них, замечает автор, объективно образуется пространство, в котором вследствие его плотности и разнообразия возникает прагматическая потребность в трудных уступках и компромиссах. Б. Рубл именует такую вынужденную толерантность "толерантностью необходимости" [6].

Прокладывает ли такой мегаполисный "прагматический плюрализм" путь к решению проблем глобального плюрализма? Однозначного ответа на этот вопрос нет, поскольку "мегаполисный" опыт "слишком приземлен" и не раскрывает принципиальной основы достижения толерантности.

Другое направление поиска обозначено в статье американского социолога Д. Александра. Автор пишет о необходимости идеологической утопии, способной объединить современное общество при всем его многообразии. Крах революционных "тотализирующих" утопий, считает Александр, не означает конца утопического и критического мышления. В современном мире существуют разнообразные ограниченные утопические течения: мультикультуралисты, экологи, сторонники неприкосновенности силы, участники тендерного движения и движения за права меньшинств, приверженцы "информационного общества" и т.д. Каждое из них самобытно и не добивается тотального изменения существующей системы. Вместе с тем все они вписываются в модель саморегулирующегося сообщества с неограниченной солидарностью, достигаемой в результате свободного и добровольного взаимодействия. Из стремлений и действий этих течений вырастает реформаторская утопия "гражданской реконструкции" ("civil repair"), сублимирующая многостороннюю практику гражданских инициатив и движений современности. Эта утопия, по убеждению автора, даст обществу "приемлемые для всех гражданских движений высокие цели и нравственные идеалы, не посягая на своеобразие и автономию каждого из движений и каждого гражданина" [7].

Идея реформистской утопии, предлагаемая Александром, пока недостаточно разработана, в ней много белых пятен. Тем не менее есть основания считать, что концепция "гражданской реконструкции" укладывается в более широкое русло теоретического поиска. В этом поиске выражается острая потребность современного общества в том, чтобы найти ориентиры для выхода из кризисов и сопровождающих их многочисленных рисков. При этом, если революционные утопии прошлого утверждали монополию на истину и не опасались социальных потрясений, культивируя атмосферу нетерпимости, то нынешний поиск идеалов общественной жизни отмечен реализмом, осознанием значимости многообразия форм человеческой жизнедеятельности и развития культуры толерантности.

Социальная и национальная составляющие

Один из главных каналов воздействия глобализации на толерантность пролегает через социальную среду обитания людей. Толерантность - явление социально-психологическое. Естественно, она связана с изначально имплантированной склонностью к терпимости и согласию. Но не этим определяется состояние общественной толерантности [8]. Решающую роль играют внешние условия существования индивида, социальной группы, общества в целом, наконец, международной среды. Среди условий, влияющих на толерантность, важным фактором является тип политической культуры. Некоторые исследователи полагают даже, что существует два антагонистических типа культуры: агрессивно-нетерпимая и толерантная. Представляется, однако, что при всей укорененности и инертности типов политических культур в каждой из них присутствуют, наряду с устойчивыми, более или менее подвижные элементы, обеспечивающие способность к адаптации [9]. Один из решающих факторов подвижности - степень социальной удовлетворенности. Ее высокий уровень существенно способствует укоренению толерантности, низкий - оттесняет ее на периферийные позиции общественной жизни.

В свое время бытовало представление, что модернизация обществ, происходящая под влиянием глобализации, стимулируя экономическое развитие, приведет к росту благосостояния, что, в свою очередь, если не ликвидирует социальную напряженность, то, по крайней мере, сведет ее к минимуму. Предполагалось, что следствием будет широкое распространение толерантного поведения. Это представление не нашло подтверждения на практике.

События последних лет убедительно показали, что глобализация и связанные с нею постиндустриальные сдвиги, во всяком случае в тех формах, в каких они осуществляются ныне, не дают решения социальных проблем и, следовательно, не стимулируют рост культуры толерантности ни в развитых, ни в развивающихся странах, ни в мировом сообществе [10]. И дело не только в объеме нищеты, бедности и других социальных бедствий. Еще и в том, что отношения между людьми, общественными группами, национально-государственными общностями не становятся более справедливыми. В этом состоит главная причина роста социального отчуждения и неприязни, что мешает распространению общественной толерантности [11].

Негативное воздействие на уровень толерантности оказывает и явление, именуемое "новым национальным вопросом". В его основе лежат существенно возросшие масштабы иммиграции в регион "золотого миллиарда" выходцев из стран, отставших в экономическом и социокультурном развитии. Рост такой иммиграции наблюдался и раньше. Особо заметной она стала во второй половине XX века. До поры, до времени государства, принимавшие иммигрантов, более или менее справлялись с их потоком, либо ассимилируя вновь прибывших, либо осуществляя эффективный контроль над ними. В последние годы ситуация приобретает новое качество. Во многих странах возникли обширные анклавы, в которых вновь прибывшие составляют большинство населения.

И, что самое главное, новые иммигранты уже не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Особенно четко это проявляется в тех случаях, когда речь идет об иммигрантах иных конфессий, чем местное население. В странах, принимающих иммигрантов, стали складываться новые национальные меньшинства, четко сознающие свою этническую специфику, свои интересы и возможности их отстаивать, используя политические и иные методы, утвердившиеся в ареале нового проживания. Возросла также острота конкуренции между коренным населением и иммигрантами в сфере мелкого производства, в торговле и, особенно, на суживающихся рынках наемного труда.

В результате становятся все более напряженными отношения коренных граждан к "чужакам". Иногда напряженность перерастает в нетерпимость, проявляющуюся

не только на бытовом, но и на общественном уровне [12]. Нетерпимость к иммигрантам растет на глазах, о чем свидетельствует усиление позиций праворадикальных, шовинистических партий, уже вошедших в ряде европейских стран в состав правительственных коалиций. К этой тенденции начинают подстраиваться и другие партии, пытающиеся таким образом расширить свой электорат.

Одной из форм демократического противодействия этой опасной тенденции в последние годы стали идея и практика мультикультурализма. В отличие от ставки на ассимиляцию мультикультурализм исходит из возможности, и даже полезности, параллельного существования этнических общин, представляющих различные культуры. Задача общественных институтов состоит в том, чтобы максимально облегчить возможность такого существования, создав для этого благоприятные материальные и правовые условия.

Пока далеко не все аспекты мультикультурализма разработаны в должной степени. Существует, например, точка зрения, согласно которой культура страны, в которую прибывают иммигранты, должна рассматриваться как "ведущая". Соответственно, все остальные должны в большей или меньшей степени приспособливаться к ней [13]. Близкие к этому взгляды в последнее время высказывает и С. Бенхабиб, которая утверждает, что мультикультурализм предполагает обязательное принятие представителями других культур устоев и норм общества страны пребывания [14]. Однако этот вопрос не так прост. Конечно, все проживающие в том или ином государстве обязаны соблюдать его законы, и это накладывает правовые ограничения на мультикультурализм. Но эти ограничения не должны распространяться на духовно-нравственные аспекты мультикультурализма.

Не менее деликатная проблема касается характера и стиля межкультурных отношений. Приверженцы мультикультурализма полагают, что культурные меньшинства не должны быть интегрируемы в главное русло общества модерна и могут оставаться во многих аспектах нелиберальными. Им нельзя навязывать стандарты либеральной культуры [15]. Либеральные теоретики на это возражают, что "либеральный плюрализм - не самоубийственный пакт", и либеральные институты обязаны "обеспечивать условия своего собственного увековечения". Столкновения здесь неустраимы и только "могут быть минимизированы" [16].

Для западного либерализма, настаивающего на универсальности собственных принципов и норм, мультикультурализм создает неразрешимое противоречие между свободой и толерантностью. Последовательное соблюдение принципа индивидуальной свободы ставит границы плюрализму. Толерантность с этой точки зрения не распространяется на те группы меньшинств, которые "внутренне нелиберальны". Ошибка тех, кто так поступает, заключается в том, что они рассматривают "толерантность в качестве фундаментального либерального принципа" [17].

Американский профессор П. Бергер идет дальше и характеризует конфликты культур как "столкновения цивилизаций" внутри западных обществ. "Запад, - пишет он, - едва ли представляет собой гомогенное культурное сообщество, и эта чреватая конфликтом гетерогенность стимулируется ее глобализацией" [18]. Ссылаясь на английского социолога Колина Кэмпбелла, он пишет о явлении "истернизации".

Попытки внедрить мультикультурализм в общественную жизнь и, тем самым, способствовать утверждению культуры толерантности предпринимаются в ряде стран Европы. Зафиксированы и некоторые позитивные сдвиги в этом направлении. Тем не менее, о сколько-нибудь существенных результатах говорить пока не приходится [19]. Усилия, направленные на достижение этой цели, наталкиваются на жесткое, осознанное и неосознанное сопротивление, порождаемое традициями, инерцией общественного сознания, либеральным догматизмом, серьезными экономическими трудностями, с которыми сталкиваются многие развитые страны, а также тяжелыми материальными условиями существования иммигрантов.

Миропорядок и взаимоотношения цивилизаций

В международных отношениях, в отличие от положения в рамках государственных образований, не существует единого управляющего центра, опирающегося на легитимные средства принуждения. Система мирового порядка поддерживается с помощью утвердившихся правовых норм, юридически оформленных договоров и текущих соглашений. Одним из условий их нормального функционирования является достаточный уровень толерантности, проявляемый сторонами, обеспечивающими миропорядок. Нарушение этого принципа обычно ведет к тяжелому кризису и даже распаду миропорядка.

Чем сложнее система мирового порядка, тем выше заинтересованность национальных государств в устойчивости; потрясения и, тем более, распад системы чреват для них тяжелыми последствиями. Соответственно, возрастает значение толерантности в межгосударственных отношениях.

Одно из последствий глобализации - обострение противоречия между возросшей степенью взаимозависимости элементов миропорядка и воздействием на него дестабилизирующих факторов. Взаимозависимость подпитывается глобализационными процессами, а дестабилизация - углублением разрыва в условиях существования экономически развитых и отстающих государств. Необходимое переструктурирование межгосударственных отношений, способное смягчить это противоречие, по сути дела, не осуществляется. Более того, лидирующие государства "золотого миллиарда", прежде всего США, в основном уповают на силовое давление как фактор обеспечения международного порядка. В ответ другие страны стремятся найти более эффективные средства противодействия силовому давлению. В результате воспроизводится база для распространения не поддающихся контролю средств массового уничтожения.

Дестабилизация мирового порядка наглядно проявляется в падении роли и эффективности существующих международных институтов. Девальвируется авторитет ООН. Уходят в небытие надежды на то, что ей предстоит сыграть роль стержня нового миропорядка. Силы, во многом определяющие ход мировых событий, перестают с ней считаться, отодвигая на обочину мировой политики. Огромный урон наносится международному праву. Действия основных игроков на мировой арене демонстрируют явные признаки того, что оно становится даже помехой для держав, обладающих силой и влиянием, достаточными, чтобы заставить другие страны смириться с навязываемыми им решениями. Все это существенно увеличивает опасность перерастания межгосударственных и даже внутрисоциальных конфликтов в силовые столкновения, таящие угрозу мировой катастрофы. Одним из мощных сигналов, свидетельствующих об этой опасности, следует считать наблюдающийся в последние годы всплеск международного терроризма. Перед лицом вопиющего неравенства стран и народов трудно всерьез говорить о наличии сколько-нибудь действенных адекватных начал на международной арене. Склонность влиятельных держав к применению в мировой политике силовых методов заставляет многих людей задаваться вопросом, можно ли вообще в этой ситуации достичь устойчивого миропорядка. Возникают опасения, что остров сравнительного благополучия (государства "золотого миллиарда") будет поглощен океаном нищеты и несправедливости. Отсюда жизненное значение культуры толерантности, которая, став неременным элементом общечеловеческой политической культуры, могла бы послужить барьером, препятствующим скатыванию человечества в пучину разрушения и хаоса.

Может ли культура толерантности сыграть эту роль? Рассчитывать на быстрые сдвиги в этой области не приходится. Но позитивные подвижки здесь вполне вероятны. Для этого необходимы благоприятные юридические и политические предпосылки. Среди них - поступательное движение мирового сообщества в сторону миропорядка, соответствующего реалиям наступившего столетия.

Очевидно, что сейчас человечество пребывает на развалинах прежнего миропорядка. Попытки упорядочить ситуацию, установив единовластие самой сильной и ам-

бициозной державы, привыкшей к насильственному насаждению своих представлений о должном и необходимом, не дают желаемой стабильности и способны лишь усугубить хаос.

Нынешний мировой беспорядок и связанные с ним угрозы порой вызывают тоску по прежнему мироустройству, которое выглядит сквозь пелену годов более привлекательным, чем оно было в действительности. Эта вполне понятная тоска по прошлому не должна, однако, мешать осознанию того, что пути назад нет. Необходимо строить новый миропорядок. Этому могли бы способствовать: новая кодификация основных положений международного права, приведение его в соответствие с реалиями настоящего времени; укрепление существующих международных институтов и создание новых, рассчитанных на решение проблем, вызванных качественными изменениями мировых реальностей; недопущение ослабления национальных государственных институтов, которые, передавая часть прежних функций надгосударственным органам, стоят перед необходимостью решать множество новых задач, связанных с координацией национальных интересов с интересами глобализирующегося мирового социума.

Нельзя допустить, чтобы глобализация превратилась в средство обогащения одних государств за счет других. Перед мировым сообществом стоит задача гармонизации социальной политики, минимизирующей существующий ныне разрыв в уровне и качестве жизни, который стимулирует массовое "переселение народов". Проблема мировой бедности и неравенства - главная подоплека напряжений и конфликтов в мире - не имеет простых и быстрых решений. Пока не видно даже, как ее можно решить в долгосрочной перспективе. Может быть, поэтому рождаются мрачные идеи о невозможности и бессмысленности самого поиска. Показательны соображения, высказанные В. Иноземцевым. Он утверждает, что источник неравенства в современном мире - это неравенство интеллекта и знаний. "Впервые в истории неравенство порождается личными усилиями и успехами представителей одной части общества или одной части цивилизации, и поэтому в соответствии с традиционными представлениями о справедливости "новое неравенство" нельзя признать несправедливым. Возможно, что по мере осознания этого обстоятельства желание реформировать складывающийся мировой порядок будет угасать" [20].

Получается, что углубляющаяся пропасть между богатством и бедностью вполне естественна, потому что одни нации или группы людей обладают высоким интеллектом и знаниями, а другие нет. И ничего тут не поделаешь. Любые социальные программы, направленные на изменение положения, лишь консервируют сложившуюся ситуацию. Остается уповать на филантропию. "Подобная практика становится самовоспроизводящейся, и, таким образом, период надежд на "развитие" завершился, а перспективы многих развивающихся стран связаны лишь с благотворительностью западного мира" [21].

Спрашивается, почему же нации и группы людей делятся на интеллектуально одаренных и лишенных таких способностей? Если причины в биологической природе, то мы имеем дело с вариантом меритократической концепции, антидемократичной и ориентированной на автократическую иерархию. Толерантность в рамках такой концепции может строиться лишь на почтении к благородным господам и снисходительном сочувствии последних к обездоленным. Если же причины интеллектуально-информационного неравенства социальны, то мы возвращаемся к вопросу о его истоках и поиску способов устранения социальной несправедливости. В любом случае консервация подобного неравенства в глобализирующемся мире чревата великими потрясениями. Когда мир поделен на автономные национально-государственные социумы, тогда и проблема их неравенства видится в каждом из них как внешняя. В глобальном социуме, каким становится мировое сообщество, она превращается во внутреннюю проблему, определяющую его судьбу. Невозможно себе представить, чтобы на современном уровне цивилизационного развития пять шестых человечества умиротворенно согласились бы оказаться в положении иждивенца "золотого миллиарда". Окажись автор концепции естественности "социальной поляризации во всемирном масштабе" правым, у человечества не было бы иной перспективы, кроме перманентной гибель-

ной конфронтации двух частей цивилизации и полного вырождения культуры толерантности. Поэтому толерантный подход к проблеме взаимоотношения цивилизаций в условиях глобализации приобретает особое значение. Человеческое сообщество, как уже отмечалось, это "мир миров" и в этом его преимущество. Наличие разных исторических общностей, отличающихся своей культурой, традициями, образом жизни, ценностными установками, конфессиональными приверженностями, стимулирует развитие всей мировой цивилизации, но одновременно порождает и противоречия [22]. В годы "холодной войны", в обстановке накала идеологического и политического противостояния враждующих блоков, междивизиционные противоречия оказались затушеванными. После окончания "холодной войны" они вновь вышли на первый план. Глобализация обострила их еще больше. Эта трансформация была оценена американским политологом С. Хантингтоном как свидетельство неизбежности войны цивилизаций [23]. Подобное утверждение представляется преувеличением. Однако события последних лет показывают, что проблема существует. Взаимоотношения цивилизаций, несомненно, важный фактор складывающегося миропорядка. И если они будут развиваться не в русле толерантности, а в конфронтационном духе, то мрачные предсказания С. Хантингтона могут стать действительностью.

Это наглядно проявилось после террористической акции в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. Какие выводы следуют из этого? Во-первых, потенциал отчаяния и негодования, накопившийся в неблагополучных регионах мира, способен сублимироваться в острые формы квазирелигиозного фанатизма, пытающегося оправдать свой радикализм традиционными конфессиональными ценностями. Во-вторых, естественная ответная реакция населения стран, подвергшихся террористическим нападениям, может приобрести форму религиозной нетерпимости к иным конфессиям. Не случайно по следам сентябрьской трагедии во многих христианских странах заговорили об угрозе исламского экстремизма, а в исламских странах - о новом христианском крестовом походе.

Не служит ли это сигналом для того, чтобы наряду с мультикультуральным подходом, о котором шла речь выше, поставить вопрос о мультицивилизационном подходе? Смысл его в том, чтобы исходить не только из признания права на существование различных цивилизаций, культур и конфессий, но и разработать совокупность взаимоприемлемых правил их взаимоотношений и взаимодействия. Нельзя не считаться с тем, что исходящие от глобализации унификационные импульсы отнюдь не ведут к исчезновению цивилизационных различий, особенно в сферах культуры, образа жизни, моделей поведения. Напротив, происходит небывалый рост социокультурного своеобразия и самобытности.

Проблемы толерантности в России

В России проблемы плюрализма и культуры толерантности имеют свою конкретно-историческую специфику. Истоки, измерения и последствия происходящих перемен здесь во многом иные, нежели на Западе. В современном российской обществе плюрализм и дробность интересов являются не столько следствием постиндустриальных тенденций, сколько результатом системного кризиса, повлекшего за собой разрушение сложившихся ранее социальных идентификаций и солидарностей. На этой почве выросло хаотичное многообразие интересов, напоминающее неупорядоченное броуновское движение. Российские граждане, выбитые из обжитых социальных ниш, окунулись в зыбкую среду политического хаоса, утратив сколько-нибудь устойчивые критерии выбора.

Подобный хаос несет в себе угрозу демократическому развитию общества, становится разрушителем мостов согласия и целостности социума. Предотвратить сегментацию и распад политической системы в таком положении можно только одним способом: поставить ограничительные рамки необузданному политическому плюрализму.

Конечно, в этой связи встает вопрос, можно ли решить эту проблему, не порывая с демократическим курсом развития, который невозможен без политического плюрализма? За ответом на этот вопрос маячит роковой для России выбор между демократией и авторитаризмом.

В этих условиях необходима толерантность в квадрате. Важно не допускать резких движений, способных нарушить хрупкое социально-политическое равновесие и спровоцировать острую конфронтацию. Нужны осторожные, взвешенные и постепенные меры. Культура толерантности не формируется в одночасье и не создается президентскими указами или постановлениями правительства. России, видимо, потребуются многие десятилетия, чтобы добиться существенных сдвигов в этой области. Но именно здесь, скорее всего, находится то решающее звено демократической реформации, потянув за которое можно вытянуть всю цепь основных проблем российского общества.

Вместе с тем, наряду со своеобразием, России свойственны также многие из порожденных глобализацией социально-экономических противоречий, характерных для других районов мира. Более того, оказавшись в промежуточном положении между государствами, развивающимися по так называемой "западной модели", и странами отстающего и догоняющего развития, она стала плацдармом, на котором переплелись наиболее острые противоречия, свойственные и тем и другим [24].

Приходится считаться с тем, что социальные отношения в нынешней России в решающей степени определяются затяжным структурным кризисом, не имеющим прецедентов в истории XX века. Россия выпала из числа государств, олицетворяющих высшие рубежи экономического развития современного мира. К новому тысячелетию она пришла с разрушенной финансовой системой, с отсталой структурой производства, во многом неконкурентоспособного на мировых рынках, опутанной внешними долгами [25].

В президентство В.В. Путина ситуация несколько выправилась. Однако скольконибудь коренных изменений не произошло. В народном хозяйстве страны продолжают все отчетливее проявляться неблагоприятные глубинные тенденции. Большинство производимых в стране товаров по своим качественным характеристикам существенно отстает от зарубежных. Технология и машинный парк крайне устарели и требуют срочной замены. Не хватает средств, необходимых для приведения в мало-мальски приемлемый порядок транспортной и промышленной инфраструктуры. В крупных масштабах продолжаются безнаказанное разворовывание направляемых в экономику средств, демонстративный уход от налогообложения и массовый отток капиталов за рубеж. Все это, подрывая доверие граждан к власти, а, следовательно, и политическую стабильность, возводит препятствия на пути утверждения толерантности.

С особой силой в этом направлении действуют социальные последствия экономических экспериментов 90-х годов: ухудшение условий существования основной массы населения, происходящий на этом фоне беспрецедентный рост неравенства в доходах и обвал социальной сферы, худо-бедно, но защищавшей граждан от материальных бедствий и лишений [26]. На социальном самочувствии населения крайне негативно сказывается большой ущерб, нанесенный системе бесплатного здравоохранения и всеобщего образования, а также существовавшим ранее формам общественных контактов: сети клубов, театральной и иной самодеятельности, организаций, обеспечивавших досуг молодежи, детских оздоровительных лагерей и т.д.

Резкое ухудшение условий существования породило моральную деградацию. Криминализация, обозначившаяся еще в последние годы советской власти, приобрела всеобщий характер, заразив все слои социума - от правящих кругов до социальных низов общества. Преступность в ее самых крайних формах вышла за пределы, обеспечивающие самосохранение системы. Овладев значительной частью народного хозяйства, организованные преступные объединения стали предъявлять притязания и на политическую власть.

Социальная неудовлетворенность, явившаяся следствием процессов, происходивших на протяжении всех 90-х гг. и захлестнувших первые годы нового века, порождает не только социальную напряженность, направленную против институтов политической власти, но и создает питательную среду для противостояния социальных групп. Вполне вероятно, что предстоящее ускоренное подключение России к процессам глобализации обострит уже наметившиеся социальные проблемы и, соответственно, усилит угнездившуюся в обществе нетерпимость.

Напряженность взаимоотношений богатых и бедных достигла необычайно высокого накала. Характеризуя его, Н.М. Римащевская пишет: "Выход из ситуации связан либо с программой нового периода собственности, либо с социальным взрывом. А возможно и установление режима жесткой диктатуры, защищающей интересы элиты. Пока ситуация социальной напряженности приобретает черты безысходности" [27]. Растущее озлобление по отношению к действительным или мнимым виновникам сложившегося положения реализуется в различных формах. Одна из них основана на представлении, что во всех бедах виновны воры и взяточники, засевающие во властных структурах. Отсюда широкая поддержка населением идеи "всеобщей чистки" этих структур. Другая замешена на ксенофобских предрассудках, питаемых, как и во многих странах Запада, массовым притоком иммигрантов из стран с более низким уровнем условий существования.

После развала СССР границы России стали практически открытыми для потока переселенцев из стран СНГ и дальнего зарубежья. В результате на территории страны оказались миллионы незарегистрированных, бесправных иммигрантов, вытесненных в сферу "серой" и "черной" экономики, дестабилизирующих рынки труда и создающих благоприятную почву для деятельности криминальных элементов. Отсюда представление, что, избавившись от чужаков-иммигрантов, Россия сумеет избавиться от мучающих ее болячек. При этом игнорируется то обстоятельство, что в складывающейся демографической ситуации страна жизненно заинтересована в притоке трудоспособных, экономически активных переселенцев.

Специфическое проявление социального недовольства - все более заметная враждебность населения российской "глубинки" к столичным мегаполисам и, прежде всего, к Москве. Почву, на которой произрастает эта враждебность, образуют, с одной стороны, все более заметный разрыв в условиях существования провинциального и столичного населения, а с другой, - усиление унитарных настроений в федеральных структурах власти, проявляющееся в попытках урезать права и компетенции субъектов Федерации.

Бытует утвердившееся в российской "глубинке" представление, что относительное благополучие столичных жителей основано не на том, что в них сосредоточены главные жизненные центры производства и финансов, но, прежде всего, на том, что Москва и, в какой-то степени, Санкт-Петербург "обирают" остальную Россию, "жируют" за ее счет. Для того, чтобы более или менее выровнять условия существования в столицах и в регионах, потребуются не годы, а десятилетия. А без этого изменить утвердившиеся убеждения невозможно. Гораздо легче элиминировать опасения, что Центр, выстраивая вертикаль власти, намерен лишить регионы компетенций, предоставленных им Конституцией, в частности, посадить их на короткий финансовый поводок, лишив и так уже не столь значительной самостоятельности. Это, однако, требует особой осторожности и деликатности при подходе к назревшему реформированию далеко несовершенных федеративных отношений, сложившихся на протяжении истекшего десятилетия.

В условиях усилившейся глобализации Россия не может игнорировать необходимость внести свой вклад в преодоление хаоса, в который погрузились в последние годы международные отношения. Хотя в постъельцинский период внешнеполитические позиции страны несколько укрепились, ее возможности пока не столь уж велики.

Содержание вклада России в оздоровление миропорядка будет, скорее всего, состоять в наращивании усилий, направленных на возрождение существенно ослабленных в последние годы институтов, реализующих коллективную волю субъектов миро-

порядка, на обновление, повышение эффективности и расширение сферы применимости международного права. Только так в сложившихся обстоятельствах можно добиться превращения толерантности в определяющий принцип отношений между суверенными государствами.

Процесс глобализации и быстро растущий плюрализм форм общественной жизнедеятельности создают острую потребность в утверждении культур толерантности. Она приобретает императивное значение. Возникает острая потребность в создании условий, когда многообразие взглядов, позиций, установок, способов действия различных агентов политического процесса, не перерастая в силовую конфронтацию, остается в рамках дискурса, позволяющего искать и находить оптимальные решения, приемлемые для всех его участников. Но реализация этой потребности наталкивается на высокие барьеры, число которых в условиях глобализации даже увеличивается. Приходится констатировать наличие глубочайшего противоречия между императивной необходимостью для человеческого сообщества овладеть культурой толерантности и многочисленными препятствиями на этом пути. Как выйти из этого противоречия? Научный и практический поиск ответа на этот вопрос продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. *Joung M. Iris. Inclusion and Democracy. Oxford. 2000. P. 127.*
2. *Уолцер Майкл. О терпимости. М., 2000. С. 108.*
3. См. *Benhabib Seyla (ed.). Democracy and Difference. Princeton, 1996.*
4. *Бек Ульрих. Что такое глобализация? М., 2001. С. 238-239.*
5. *Кант И. Соч. М., 1966. С. 29.*
6. *Ruble Blair A. Second Metropolis. Cambridge, 2001. P. 29.*
7. *Alexander Jeffrey. "Robust Utopias and Civil Society". International Sociology. Vol. 16, № 4, December 2001. P. 587-588.*
8. См. *Образы толерантного мышления. Кемерово, 2002. Т. 1.*
9. *Хомяков М.Б. Толерантность как социокультурная проблема. В кн. Толерантность и не-насилие: теория и международный опыт. Екатеринбург, 2000. Ч. 2.*
10. *Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.*
11. *Самир Амин. Мондиализация и демократия - противоречия нашей эпохи. В кн. Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М., 2002.*
12. *Альтерматт У. Этнонационализм в Европе (Пер. с нем.). М., 2000.*
13. См. "Die Tagespost". 2001. 28 апреля, 2001. 30 октября.
14. *Benhabib S. The Claims of Cultur. Equality and Diversity in the Global Era. Princeton (N.Y.). 2002.*
15. *Kukathas Ch. "Are there Any Cultural Rights?" Political Theory, 1992. № 20.*
16. *Galston W. Liberal Pluralism. Cambridge University Press, 2002.*
17. *Kok-Chor Tan. Toleration, Diversity, and Global Justice. Pennsylvania, 2000. P. 39. XII.*
18. *Berger P. and Huntington (eds.). Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World. Oxford University Press. 2002. P. 14-15.*
19. *Tuerk HJ. Multikultur-Realiteat? Utopie oder Chimaere? "Die neue Ordnung". 1996. № 1. S. 39.*
20. *Иноземцев В. Глобализация и неравенство: что - причина, что - следствие? "Россия в глобальной политике". Т. 1. 2003. № 1, январь-март. С. 169.*
21. Там же. С. 171.
22. См. *Шахназаров Г.Х. Откровения и заблуждения теории цивилизации. В кн. Георгий Шахназаров. Современная цивилизация и Россия. М., 2003.*
23. *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? Полис. 1994. № 1. С. 33-57.*
24. См. *Степан В.С. Проблемы цивилизационного развития и глобальные процессы. В кн. Дилеммы глобализации.*
25. См. *Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo Vadis? М., 2003.*
26. *Россия: 10 лет реформ. Под редакцией Н.М. Римашевской. М., 2002.*
27. *Римашевская Н. Человек и реформы. Секреты выживания. М., 2003. С. 156-157.*